

К 90-летию со дня рождения Ф. И. ШАЛЯПИНА

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПЕВЕЦ

БОЛЬШЕ всего, пожалуй, в биографии Шалаяпина поражают сочность и яркость красок, какими был написан портрет его жизни. И не только в ту пору, когда слава певца стала достоянием мира, а имя его сделалось олицетворением вокального совершенства и гениальной артистичности. Если заглянуть в истоки шалаяпинской биографии, то и там в глаза бросятся необыкновенная яркость жизненных впечатлений и бьющая через край радость существования.

...Суонная слобода под Казанью, на Волге, нужда беспросветная: отец, глушащий при помощи водки свои горести.

Где тут искать радостей, если в семье, да и вокруг, царит нищета, и по каждому поводу в ход пускаются кулаки! Но вопреки всему, вспоминая детские годы, Шалаяпин писал: «Мне, все-таки жилось хорошо. У меня было много товарищей. Мы ловко ходили колесом, лазали по крышам и деревьям, делали самострелы, пускали воздушных змеев. Мы ходили по огородам... воровали репу, огурцы: шлялись по гумнам, по оврагам — везде было интересно, всюду жизнь открывала мне маленькие тайны, поучая меня любить и понимать жизнь».

Однажды в руки Шалаяпина попала сказка о Бове-королевиче. Его поразило то, что просто метлой Бова способен был перебить и разогнать соты тысяч воинов. Он подумал: «Хороши парни! Вот бы мне так-то!... Возбужденный желанием подвига, я выходил на двор, брал метлу и яростно гонял нур, за что куровладельцы нещадно били меня».

Много лет спустя глубину и силу перевоплощения, какие были присущи артисту Шалаяпину, все признали гениальными.

Впечатления, приходившие извне, мгновенно перерабатывались в его мозгу: мальчик сообщал им особенную силу и интенсивность.

При необузданном воображении мальчик был вдвойне наделен артистизмом. Способность расцветивать, все, украшать и делать радостным присуща была Шалаяпину всю жизнь. Что же удивительного в том, что и пение свое он сумел впоследствии сделать источником радости не только для других, но и для себя самого!

Однажды, став известным, ощутив упоительный аромат славы, Шалаяпин попал на вечер к писателю Николаю Телешову. По средам у него собирались драматурги, артисты, собиравшиеся по перу. На этот раз, вспоминая Телешова, и приехавший в Москву Максим Горький, которого Шалаяпин, нежно любил. Он тут же позвонил по телефону и вызвал композитора Рахманинова и ему сказал:

— Сережа! Возьми, лихача и качи на «среду». Петь до смерти хочется. Будем петь всю ночь!

Осип ЧЕРНЫЙ,
писатель.

Когда Рахманинов приехал, Шалаяпин не дал ему даже чаю выпить: усадил за инструмент и — «началось нечто удивительное... На него нашло вдохновение. Никогда и нигде не был он так обаятелен и прекрасен, как в этот вечер».

В сущности, Шалаяпин ни у кого пению не учился. Тифлисский педагог Усатов за какой-нибудь год обучил его приемам вокального мастерства. Усатов, в прошлом отличный певец, выступавший в московском Большом театре, понимал в этом толк. Но дело заключалось и в том, что голос у Шалаяпина был, что называется, поставленный от природы. Надо было только обуздать его, научить разумно пользоваться его дарами, раскрыть все скрытые в нем возможности.

Шалаяпин обладал даром гениального проникновения в душу героев; обогащая свой жизненный опыт, он сумел стать тончайшим психологом. Но психологическая правда вовсе не была неомысленно новой для русской сцены. На Западе многие представляют себе Шалаяпина как некое чудо, загадку искусства, феномен жизни. Так ли это?

«Его занимали все сцены — и те, в которых он был основным участником действия, и те, где ему отводилось скромное, малоприметное место, и, наконец, даже такие, в которых он не участвовал вовсе». К кому относятся эти слова? К великому истолкователю души, мастеру рельефнейших портретов, Шалаяпину?

Нет, и предшественнику его, выступавшему на Марининской сцене в тех же ролях, что и Шалаяпин позже, замечательному певцу Федору Стравинскому.

Шалаяпин, который после года занятий с Усатовым попал сначала в частную группу Лентовского, а затем на казенную сцену в столице, не мог, при его впечатлительности и пылкости, остаться безразличным к искусству Стравинского. А позже, перейдя в Московскую частную оперу, где создал ее, Мамонтов, сплотил первоклассных художников, декораторов, постановщиков и певцов, Шалаяпин с тем же упоением, с каким мальчишкой смотрел балаганные представления Якова Мамонтова, стал осмысливать для себя законы сценической жизни. Но и Малый театр, где

в ту пору играли такие артисты, как Федотова и Садовские, представлял собой тоже школу психологического реализма.

Федор Шалаяпин работал не только настоящим, но и испуленным. В упорстве поисков он порой доходил до отчаяния и тяжких сомнений. Сколько раз приходилось его другу и душевному почитателю, Максиму Горькому, приводить в равновесие эти мятущиеся силы души, чтобы вернуть радостную веру в себя! Обладая гениальным даром, надо было еще обладать демонической страстью неуверенности, чтобы стать тем Шалаяпиным, который потряс позже весь мир.

Вот почему позже, ощутив все могущество достигнутого и завоеванного, он считал себя вправе учить других и требовать от партнеров такого же совершенства и такого же беззаветного отношения к искусству. В своих требованиях Шалаяпин был неумолим. Он знал, что театр — это единое целое, где каждая частица должна быть отшлифована идеально и все подчиняется цельному замыслу. Тут все было в нем сродни идеям, которые выдвинул великий реформатор сцены Константин Станиславский.

В полной мере познал Шалаяпин цену труда и истинности, соединенных с вдохновением. То, что он создал, колоссально по своим размерам и значению. В памяти человечества сохраняются его Борис, Мефистофель, Варлаам, Пимен, князь Галицкий, Иван Грозный, Мельник и многие, многие другие оперные образы, запечатленные им с гениальной рельефностью.

Простой русский паренек из слободы, проживший двадцать лет с лишком в нищете и темноте, поднялся до недостижимых высот артистизма, стал великим певцом земли русской.

(АПН).